

«Мир в Афганистане имеет большое международное измерение, в котором встречаются интересы и позиции мировых и региональных держав, и каждый использует «афганскую карту» для укрепления своих позиций для достижения определенных политических целей», — отмечает эксперт в области международной безопасности, директор Центральноазиатского института стратегических исследований, Анна Гусарова.

[English](#)

CABAR.asia: Что нового происходит в Афганистане?

Анна Гусарова. Фото из личного архива.

— Начнем с того, что в Афганистане прошли парламентские выборы. Сам факт того, что выборы состоялись, а не перенесены, уже говорит о том, что все-таки проведение регулярных выборов стало здоровой политической привычкой афганского народа. Понятно, что страна находится в состоянии войны уже более 40 лет. За эти годы стерлись границы между борьбой с терроризмом и принуждением к миру. Мир необходим для примирения сторон и восстановления страны, а борьба с терроризмом, если она будет эффективной и ориентированной на результат, может привести к миру, о необходимости и важности которого говорят все как внутри страны, так и за ее пределами. Давайте подождем официальных результатов выборов, которые озвучат 20 декабря этого года.

Однако на данном этапе важно подчеркнуть активизацию молодежи и женщин в борьбе за место в парламенте. Это обусловлено многими причинами, в том числе финансовыми, но следует отметить, что на этих выборах кандидаты были слишком разные. Не могу согласиться с мнением о том, что проведение выборов в нынешних условиях является тратой времени афганцев. В ходе моих многочисленных интервью с разными возрастными группами и профессиональным бэкграундом, не раз фиксировалась такая установка, что афганцы строят демократию и хотят продвижения вперед в рамках этого процесса (пусть даже демократия слишком рано пришла в Афганистан). Это касается внутренних политических вопросов.

Кандидат в нижнюю палату Национальной ассамблеи Афганистана, Марьям Сама, 26 лет, проверяет свои избирательные плакаты в сентябре 2018 года. Фото: Wakil Kohsar/AFP.

Если говорить о внешнеполитической арене, происходит переосмысление роли и места Афганистана. Сейчас все чаще фиксируется принадлежность Афганистана к Центральной Азии и важность выстраивания новых, более глубоких связей со странами региона, прежде всего торгово-экономических. Президентом страны и МИДом прорабатываются эти вопросы, создается должность специального представителя по Центральной Азии. Регион Центральной Азии получает приоритет во внешней

политике Афганистана.

Насчёт вопроса безопасности: в первую очередь важно отметить последние события, связанные со смертью главы сети Хаккани — наиболее жестокой группировки, а также активизацией других группировок, в частности ИГИЛ. Возникает вопрос, будут ли готовы талибы к переговорам и реальному достижению мира. Что касается ИГИЛ, то мы все прекрасно помним относительно недавний теракт в Кабуле и провинции Хост, в результате которых погибли 36 человек (среди них 10 журналистов). Ответственность за эти теракты взяло на себя ИГИЛ. Или же другие теракты в январе, апреле, июне, июле 2018 года, в результате которых более 50 человек пострадали и погибли более 250.

— Какие процессы угрожают миру странам Центральной Азии?

Терроризм в Афганистане имеет локальные, региональные и международные аспекты, и афганское правительство не в состоянии противостоять терроризму самостоятельно.

— Если говорить о вызовах и угрозах безопасности странам Центральной Азии и Афганистану, важно понимать, что у каждой страны отличается степень угроз, их масштаб и приоритетность. Вместе с тем, некую консолидирующую роль здесь все-таки выполняет терроризм или же насильственный экстремизм. Терроризм в Афганистане имеет локальные, региональные и международные аспекты, и афганское правительство не в состоянии противостоять терроризму самостоятельно. При этом важно понимать, что в данном случае особую актуальность обретают группировки, которые оперируют на территории северных провинций Афганистана. В большинстве случаев они представляют угрозу для правительства Афганистана после Талибана, Аль-Каиды и ИГИЛ. Для стран Центральной Азии помимо радикализации и религиозного компонента, которые по-большому счету носят внутренний характер, некий вызов представляет ИГИЛ и вероятное возвращение иностранных боевиков — террористов. Логично ожидать, что приграничные страны продолжат артикулировать эти опросы, как это происходило ранее. Это касается Афганистана, воспринимая в принципе Афганистан и происходящие в нем процессы в качестве угрозы безопасности.

Власти стран Центральной Азии время от времени предлагают и озвучивают позиции о своей роли в решении, т.н. «афганского вопроса». Ташкент в 2018 году провел крупное

мероприятие и озвучил амбиции.

— Какое значение вы придаете подобным заявлениям в странах Центральной Азии? Играл ли страны Центральной Азии какую-либо серьезную роль в афганских процессах?

Президенты Узбекистана и Афганистана провели переговоры в июне 2018 года. Фото: president.uz

— Очевидно, что все мировое сообщество понимает важность решения афганского вопроса. Ключевые нерегиональные акторы, которые так или иначе задействованы в борьбе с терроризмом или мирном процессе, прекрасно понимают, что достижение мира представляется крайне простой и при этом сложной задачей, и тесно связано с решением проблем в соседнем Пакистане. Страны Центральной Азии пока что помимо предоставления площадки для проведения конференций высокого уровня или, в случае Казахстана - предоставление грантов для обучения афганцев и оказания гуманитарной помощи с участием казахстанских дипломатов, активного обсуждения вопросов

расширения прав и возможностей женщин в Афганистане – ничего другого не могут предложить Афганистану. Потихоньку выстраиваются торговые отношения. Ташкент и Душанбе в принципе способствовали переговорам талибов с Россией. Сейчас представители афганского правительства отмечают важность Ташкента как наиболее подходящего, при этом независимого посредника – поскольку имеет хорошие отношения как с Россией, так и США. Сомневаюсь, что страны могут сыграть еще какую-то роль в данных реалиях и при имеющихся ресурсах.

— Все больше стран стараются наладить диалог с Талибаном. Для чего это нужно Москве, Вашингтону, Пекину или Ташкенту? И как относится к этому официальный Кабул?

— Логично, что без диалога с Талибаном и его участия в переговорах мирный процесс не представляется возможным. При этом непонятно, что делать с талибами, которые как никогда разрознены. Переговоры с ними велись давно и продолжаются сейчас. При этом и официальное правительство Афганистана также ведет переговоры с США, Россией и Китаем. Здесь важно понимать, что диалог с талибами ведется давно и многими странами. Ключевой момент – кто договорится первым и каковы будут условия «сделки». Мы прекрасно понимаем, что международное сообщество, в том числе США не уйдут из Афганистана полностью в ближайшее время. А значит вопрос договоренностей с талибами снова будет отложен.

Однако ситуация с Талибаном выглядит довольно неоднозначной. Во-первых, пакистанский Талибан (Техрик-е-Талибан Пакистана) находится в списке террористических организаций США, в отличие от афганских талибов. Во-вторых, движение Талибан запрещено во всех странах Центральной Азии и России, а также в Организации Договора о коллективной безопасности и Шанхайской организации сотрудничества. В-третьих, даже Организация Объединенных Наций уже согласна с тем, что мирные переговоры по Афганистану и должны включать в себя талибов. Наконец, Соединенные Штаты не решили, называть ли Талибан террористической организацией или нет, чтобы не угрожать американо-афганским отношениям и мирным переговорам. В результате, когда нация не может понять и признать врага, трудно по-настоящему бороться с терроризмом.

Мир в Афганистане также имеет большое международное измерение, в котором встречаются интересы и позиции мировых и региональных держав, и каждый использует «афганскую карту» для укрепления своих позиций для достижения определенных политических целей. Эффективность усилий по борьбе с терроризмом была относительно низкой, поскольку они были заменены мирными переговорами с

талибами, которые не смогли положить конец войне.

Региональное сотрудничество вновь набирает обороты, и растущий интерес со стороны стран региона при поддержке международных доноров должен в значительной степени способствовать стабильности и росту благосостояния Афганистана.

Однако установление мира в Афганистане, как правило, связано с проблемой отсутствия трех пунктов: отсутствие ясности (нет четкой картины о том, кто является врагом, у каждого он свой), отсутствие обязательств (как со стороны международных доноров, так и правительства Афганистана) и отсутствие видения (как мирные переговоры могут быть включены в построение Афганистана, который хочет видеть международное сообщество, афганское общество и правительство).

Интересно, что большинство публикаций, докладов, статей и глубинных интервью, которые мне посчастливилось провести, будучи в Кабуле, пытаются объяснить текущее положение дел с помощью истории, в то время как практически никто не фокусируется на будущих целях развития Афганистана, в частности, в какой стране афганцы хотят жить, или же Афганистан после талибов.

— Как относится Москва к амбициям Ташкента стать посредником диалога между Талибаном и официальным Кабулом? Ведь у Москвы есть своя «партия» с Душанбе. Кто из внешних игроков поддерживает Ташкент в этом процессе?

— Москва не относится к Ташкенту ревностно. Впрочем, по-другому быть и не могло. Россия в принципе заинтересована в наращивании взаимодействия с Ташкентом по многим вопросам, поэтому Афганистан — одно из направлений, где можно было бы поработать вместе. Более того, амбиции во многом оправданные. Повторюсь, Ташкент заручился поддержкой афганцев как максимально независимая сторона, имеющая одинаково хорошие отношения с ключевыми игроками. Вашингтон сейчас делает ставку на Ташкент, поэтому взаимодействие по Афганистану находится в русле нынешних интересов. Никто никому пока не мешает.

— Каковы позиции официальных властей, движения «Талибан» и других объединений? Какая из сторон укрепляет свои позиции? Есть ли предпосылки появлению какой-либо доминантной стороны и от чего это зависит?

— Позиции в отношении чего? Мира? Позиции очень разнятся. Даже внутри силовых, политических ведомств, экспертного сообщества в Кабуле по крайней мере позиции и мнения очень разные. Одни считают, что Талибан должен быть признан

террористической организацией и работать нужно в этом направлении. Другие – что Талибан должен участвовать в переговорном процессе, который ведут сами афганцы без вмешательства других игроков. Но мы же все прекрасно понимаем, что это нереально. Как и нереален выход международных сил из Афганистана в краткосрочной перспективе. А это является одним из основных требований талибов. Что касается укрепления позиций, то сказать сложно. Идет активный военный период, когда растет число терактов, инцидентов и жертв с обеих сторон. При этом достаточно вспомнить относительно недавние кровавые и жестокие теракты, которые были организованы ИГИЛ. Не сказать, что идет активизация, но скажем так, проявляется активное участие за передел сфер влияния.

— Насколько реален сценарий появления новой «гибридной войны» в Афганистане?

— В Афганистане итак идет гибридная война. Помимо боевых действий информационная составляющая начинает играть огромное значение в общественно-политической жизни афганцев. Социальные сети и их потенциал велик, впрочем, как и риски, связанные с ними в силу слабого уровня обеспечения кибербезопасности.

Данный материал подготовлен в рамках проекта «Giving Voice, Driving Change — from the Borderland to the Steppes Project», реализуемого при финансовой поддержке Министерства иностранных дел Норвегии. Мнения, озвученные в статье, не отражают позицию редакции или донора.